

Как можно анализировать стихотворения метареалистов: анализ стихотворения «Контрапункт» И. Жданова

Татьяна Карпова (образовательная программа «Филология»)

Контрапункт

Останься, боль, в иголке!

*Останься, ветер, в челке
пугливого коня!*

*Останься, мир, снаружи,
стань лучше или хуже,
но не входи в меня!*

*Пусть я уйду в иголку,
но что мне в этом толку?*

В ней заточенья нет.

*Я стану ветром в челке
и там, внутри иголки,
как в низенькой светелке,
войду в погасший свет,
себя сведу на нет.*

*Но стоит уколиться
кому-нибудь, как вдруг
свет заново прольется,
и мир во мне очнется,
и шевельнется звук.*

*Ивспрянут где-то кони,
спасаясь от погони
беды, пропавшей в стоне,
в лугах теряя след.*

Нет лжи в таком обмане.

*И топот, скрытый в ране,
копытами раздет.*

Табун с судьбой в обнимку

Как можно анализировать стихотворения метареалистов...

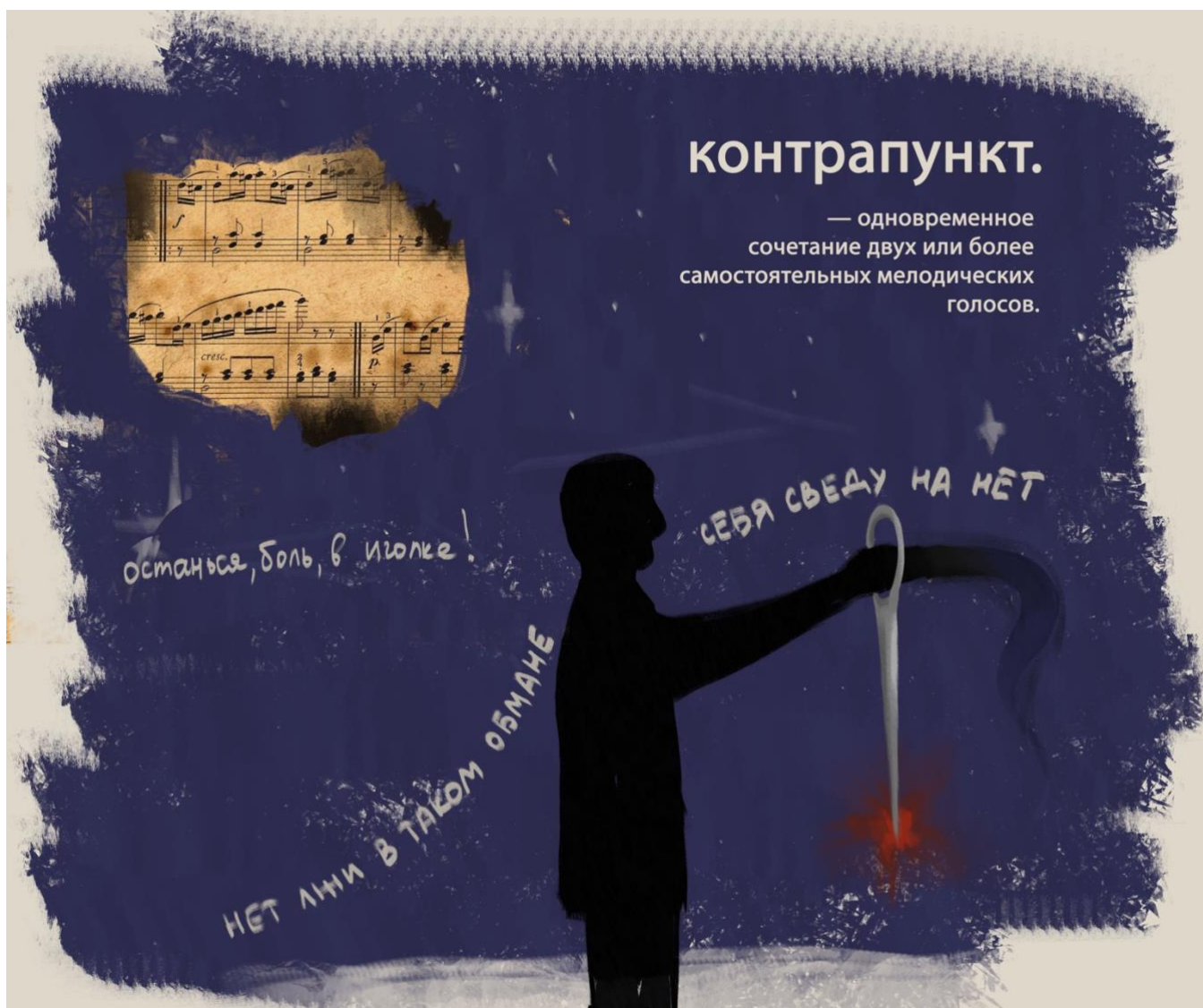
*несет на гривах дымку,
и на его пути*

*глядят стога из мрака,
как знаки зодиака.*

Ты их прочти.

*Но, преклонив колена
в предощущенье плена,*

*иголку в стоге сена
мне не найти.*

Как можно анализировать стихотворения метареалистов...

Название «Контрапункт» отсылает к музыкальной тематике, где это понятие обозначает сочетание нескольких самостоятельных голосов и иногда даже их синкопическое наложение. В контексте поэтики метареалистов можно предположить, что в стихотворении будут осмысляться несколько явлений в их связи.

Художественный мир стихотворения очень сложен и с трудом поддается обобщенному описанию. Однако можно реконструировать этот мир через нахождение ключевых образов и ассоциативных рядов, а также через объяснение оппозиций.

Итак, если двигаться от общего к частному, можно разделить стихотворение на две части и следующий за ними вывод. Вторая часть произведения является антитезой к первой и начинается со слова «но». Финал объединяет идеи обеих частей и отрицает их через еще одно «но».

Ключевыми образами стихотворения являются образы иголки и коней, с которыми себя связывает лирический герой и которые также связаны между собой идиоматически (искать иголку в стоге сена). В первой части текста герой стремится отделить себя от мира («Останься, мир, снаружи»), во второй, наоборот, происходит взаимодействие с миром через иголку: герой начинает ощущать мир в самом себе.

Через троекратное повторение императива «останься» в начале текста происходит пространственное расширение: от иголки к челке коня и до целого мира. Из первой строки можно предположить, что это герой испытывает боль, которую хочет заключить в ассоциативно очень малое пространство иголки. В целом, в первых стихах через глаголы и образ ветра передается определенная динамика: «останься» – значит, что названные явления и предметы совершили движение и сейчас остановились; «Пусть я уйду» – обозначает идею движения самого лирического героя, при этом движение происходит к пространству – иголке – где заключена та самая боль. Строка «В ней (в иголке) заточенья нет» отсылает к вечной изменчивости, непостоянству мира. Ветер, к которому тоже обращен призыв «останься», заключает в себе коннотации свободы, которая вдруг парадоксально ограничена («Останься, ветер, в челке...»), так как ветер может утихнуть, исчезнуть, но остаться в одной точке пространства и при этом дуть (то есть существовать) для него невозможно.

Все три «останься» можно прочесть в одном ключе: лирический герой хотел бы разорвать каузальные связи, которые существуют между предметами и явлениями: например, после укола пальца иголкой – боль, в желаемой для лирического героя логике, не принадлежит уколовшемуся, а остается в предмете; ветер, взвихривший гриву коня, остается в ней, что

Как можно анализировать стихотворения метареалистов...

делает порыв ветра направленной, а не стихийной и случайной силой; мир, с которым человек соединен по пространственному и временному признакам, призван к сохранению дистанции с героем («...но не входи в меня!» – то есть не действуй на меня). Каузальность разрушается, и на первый план словно выходит категория времени, которая опережает само существование причин и следствий. Это значит, что лирический герой, как Фауст, «останавливает мгновение», так как фиксирует в тексте временной промежуток, когда человек укололся, но долю секунды еще не ощущает боли; когда ветер взметнул конскую гриву, но физическая сила его порыва еще не упала до нуля; и когда лирический герой, видимо, на долю секунды ощутил свою «самость», отделенность от всего существующего.

Следующая далее строка – «Пусть я уйду в иголку...» – тоже может быть прочитана двояко с точки зрения каузальности и перспективы зрения. Первичным кажется метафорический смысл, то есть превращение героя в иголку становится этим предметом, но нельзя исключать и буквальное прочтение, что картина здесь дана под обратным углом зрения: как иголка входит в палец, так и палец в то же самое время может войти в иголку. Здесь происходит языковая игра с актором действия. И вновь проявляется идея о желании остановить течение времени и вместе с тем невозможность сделать это: «...но что мне в этом толку? // В ней (в игле) заточенья нет». Следовательно, герой имеет в виду ощущение той недлящейся секунды, когда иголка укалывает палец и возникшая боль тут же дает импульс к перемене состояния – к изъятию иглы из кожи (а значит, боль здесь – такое же мимолетное ощущение, как и в начале стихотворения).

Интересно, что во второй части с момента укалывания иголкой начинается взаимодействие героя со вторым индивидом (так как герой стал иголкой, которой далее укололся второй герой), и это взаимодействие позволяет «очнуться» и услышать «шевеление звука». Упоминание звука позволяет предположить, что в этом стихотворении развивается и тема поэта, который ощущает мир в себе при общении с кем-то, а также может осмыслить его (мир) и воссоздать (в поэзии).

«Вспрянут кони», использованное здесь в тесной семантической связи с глаголами «очнется» и «шевелнется», дает почувствовать оттенок воодушевления, который подтверждается ассоциативной близостью строки «вспрянут кони» с идиоматическим выражением «воспрянуть духом». Это поддерживает гипотезу о том, что речь идет не только о настоящих конях, но и о происходящем в душе лирического героя. Соответственно,

Как можно анализировать стихотворения метареалистов...

коммуникация влияет на душу и мысли героя, вызывает «топот» в его душе. Это также похоже на платоновскую колесницу, отражающую внутренний мир человека.

Далее в стихотворении вновь появляется тема боли: она сочетается со страхом, который выражен в эпитете «пугливый». Метафора «войду в погасший свет» обозначает одновременно и вхождение в «низкую светелку» вечером, и вхождение в иголку буквально через ее ушко; тогда погасший свет – это тень, которую герой образует, входя в ушко иглы.

«...Себя сведу на нет», – это безусловно значит идею пустоты, исчезновения. Если рассматривать эту строку в сопоставлении с иглой, то оказывается, что игла, будучи тонкой, маленькой, незначительной в мире, все же существует. Тогда как игольное ушко существует как часть иглы, то пустота, образуемая это ушко, является не принадлежащей предмету. Именно в эту пустоту входит герой и как бы «сводит себя на нет», оказываясь в пространстве пустоты.

Впрочем, образы иголки и коней сливаются в последних двух строках, представляющих собой пословицу: «...иголку в стоге сена // мне не найти». «Сено» находится в одном ассоциативном ряду с лошадьми и стогами. Стога, состоящие из сена, обозначают, в том числе, тайное знание, находящееся во тьме, до которого человеку не добраться. Поэтому не найти иголку в стоге сена здесь – это также невозможность разобраться в тайнах мироздания.

Вторая часть стихотворения продолжает тему боли, которая возобновляется как физическая после укола иглой: «Но стоит уколоться // кому-нибудь...», – боль теперь не персонализирована только в лирическом герое. Затем тема боли сплетается с образами коней: они «вспрынут, спасаясь от погони // беды, пропавшей в стоне...». Боль локализуется в пространстве, появляется образ «раны», в которой как бы находится табун коней и раздается их топот. Кроме того, кони находятся «где-то», что расширяет пространство, причем непонятно, находятся они снаружи или внутри лирического героя.

Скорость, с которой мчится «табун с судьбой в обнимку» метафорически передает бег жизни, определяя и временную, и пространственную перспективы: задается направление «вперед» и акцентируется быстрота. Связывание табуна с судьбой показывает определенный контраст: с одной стороны, жизнь неуправляема, как табун диких лошадей; с другой – он же находится в гармонии с направляющей силой судьбы, которая так же, как и табун, никому не подвластна, но зато последовательно и заранее однонаправленна. Таким образом, столкновение непредсказуемой и дикой силы жизни находится в синтезе с контролирующей силой судьбы. Этот синтез ведет к неопределенности будущего – «дымке на гривах (коней)»,

Как можно анализировать стихотворения метареалистов...

– так как будущее остается словно в тумане: лошади не понимают, куда мчатся, так как не видят пути.

По какому закону создается будущее, если его определяют вместе судьба и набор неуправляемых случайностей, остается вопросом без ответа. Однако можно заметить, что жизнь, показанная через бег коней, изображается как сила, движение, не имеющее направления, лишь развивающее скорость. Направляет эту силу, видимо, «дымка» судьбы. В любом случае, в процессе движения жизнь сталкивается с монолитными и неотвратимо наблюдающими за человеком столпами вечных вопросов и неизвестности: они предстают в стихотворении через образы «стога из мрака», одновременно находящиеся и на земле, и на небе, поскольку стога сопоставляются со «знаками зодиака» – звездами. Они являют собой образ, который требуется расшифровать, но сам выбор предметов из астрологии передает идею сомнительности попыток: можно расшифровывать и предлагать разные ответы, но какой из них истинный – так и останется неизвестностью.

Само по себе сочетание «стога из мрака» является полисемичным: с одной стороны, стога могут находиться где-то в ночи, тогда это вполне конкретная пейзажная зарисовка, которую встречают на пути пробегающие кони; с другой же – стога могут быть действительно сотканы из мрака, то есть быть сгустками неясности, темной силы хаоса (притом хаоса непонятного человеку, но организованного, так как он представлен через логично и аккуратно собранные стога).

Если принять первую коннотацию за верный вариант, то сопоставление стога и знаков зодиака приобретает новое звучание: выходит, что стога – светлые пятна на фоне темного пространства, и звезды – тоже светлые светящиеся предметы, выделяющиеся из черноты ночного неба. Они вместе отражают некие ориентиры, проблески смысла, которые могут быть считаны («ты их прочти»). Кроме того, при таком прочтении создается многомерность пространства: небо и земля отражаются, отзеркаливая друг друга. Восприятие стога и звезд как элементов света в темноте вписывается в один из тематических рядов стихотворения, а именно – тьмы и света. Слово «стога» в строке «глядят стога из мрака», помимо всего прочего, подводит к финальному образу сена.

Ближе к концу темп стихотворения замедляется, мчащиеся кони сменяются неподвижными «стогами из мрака», коленопреклоненным героем, ищущим иголку в стоге сена, что ассоциируется почти с неподвижностью и тщательным вглядыванием в предмет.

Как можно анализировать стихотворения метареалистов...

Финал стихотворения звучит безнадежно: герой испытывает смирение («преклонив колена») и, ощущая несвободу («в предощущенье плена»), осознает свое бессилие, тщету поиска чего-то малого, но важного в огромном мировом пространстве.

После проведенного анализа финал позволяет предложить следующую трактовку: иголка, обозначающая одновременно героя и целый мир, затеряна в стог сена, олицетворяющем мироздание, что заставляет героя переживать трагическую потерянность, сложность которой может выразиться только в нарочито простой фразеологической единице.

Возвращаясь к обозначенным в начале размышлениям о смысле названия, можно сказать, что ноты, находящиеся друг над другом на нотном стане и создающие тот самый контрапункт, заменены здесь на человека и мир, отношения которых в пространстве и времени сплетаются, образуя определенное звучание. Его и стремится услышать и осмыслить лирический герой.

Библиография

Жданов И. Место земли // И. Жданов. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 14.